

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КРАСНОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ

О.В. Терещенко

**ДРЕВНЯЯ РУСЬ:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И
ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ IX – НАЧАЛА XII ВЕКА**

Учебное пособие

**Ставрополь
СТАВРОЛИТ
2026**

УДК: 94(47)

ББК: 63.3(2)

Т

Рецензенты:

Начальник кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор философских наук, полковник полиции Сердобинцев К.С.

Доцент кафедры истории России ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», кандидат исторических наук Стрекалова Е.Н.

Терещенко О.В. Древняя Русь: социально-экономическое и политическое развитие IX – начала XII века: учебное пособие / О.В. Терещенко - Ставрополь: СТАВРОЛИТ, 2026. - 52 с.

ISBN 000-0-000000-00-0

Т

Учебное пособие посвящено истории Древней Руси от завершающих этапов этногенеза восточных славян и формирования племенных союзов до внутреннего и внешнеполитического развития Руси в XI – начале XII века, с акцентом на процесс становления государственности, трансформацию социально-экономического уклада и эволюцию политической власти.

Издание адресовано курсантам, слушателям, студентам юридических вузов и факультетов, учащимся колледжей и лицеев, сотрудникам и работникам ОВД РФ, других правоохранительных органов и широкому кругу читателей.

УДК: 94(47)

ББК: 63.3(2)

© **Терещенко О.В.**, 2026

ISBN 000-0-000000-00-0

© Оформление ООО «СТАВРОЛИТ», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Зарождение Древнерусского государства	7
Глава II. Русь XI - начала XII века: между единством и удельной обособленностью	28
Заключение	40
Словарь исторических терминов	44
Список литературы	50

Введение.

История становления Древнерусского государства занимает особое место в отечественной исторической науке, поскольку именно в этот период формируются базовые структуры власти, уклад общественной жизни и основные ориентиры внешней и культурной политики, определившие последующее развитие России. Для обучающихся вузов и всех, кто интересуется историей России, обращение к этой эпохе важно не только как освоение обязательного раздела курса, но и как возможность увидеть, каким образом из разрозненных племенных образований складывается сложный политический и социальный организм, претендующий на устойчивость и признание в международном окружении. Настоящее учебное пособие предполагает систематическое, научно аргументированное и вместе с тем доступное изложение процесса формирования Древнерусского государства от завершающих этапов этногенеза восточных славян до начала XII века, когда проявляются первые устойчивые тенденции к политической дифференциации при сохранении авторитета киевского центра.

Хронологические рамки пособия очерчены от начала IX века, когда восточные славяне уже достигли стадии общественного развития, описываемой в историографии как переход от родоплеменной организации к раннегосударственным формам, до первых десятилетий XII века, связанных с деятельностью Владимира Мономаха и его современников. Выбор границ не случаен: он позволяет проследить целостный цикл, включающий предгосударственные процессы, возникновение и укрепление надплеменной власти, христианизацию, формирование первых правовых и церковных институтов, а также первые попытки согласовать интересы различных ветвей династии и региональных центров. Для обучающихся важно осознавать, что речь идёт не о механическом перечислении фактов, а о реконструкции длительного исторического процесса, в котором каждый этап логически связан с предыдущими и задаёт параметры последующего развития.

Содержательно пособие строится на последовательном рассмотрении нескольких крупных кругов проблем, отражённых в структуре двух глав. В первой главе внимание уделяется, во-первых, этногенезу и праславянской общности, то есть вопросам происхождения славянских народов, их места в индоевропейском мире, специфики раннеславянских культур и миграций, которые обеспечили освоение Восточно-европейской равнины и формирование тех племенных союзов, из которых позднее вырастет Древнерусское государство. Во-вторых, рассматривается социально-экономический уклад восточных славян накануне образования государства: особенности земледелия и промыслов, переход от родовой к соседской общине, формирование

имущественного неравенства, выделение военной и племенной знати, складывание ранних городских центров и развитие дальних торговых связей. В-третьих, анализируется историографическая дискуссия о происхождении Древнерусского государства, включая различные трактовки роли варяжского фактора и внутреннего развития восточнославянского общества; при этом обучающийся знакомится с логикой научного спора.

Важной задачей первой главы является также введение читателя в проблематику политической истории ранней Руси через рассмотрение эпохи первых князей, геополитического выбора Святослава и деятельности Владимира Святославича. Здесь прослеживается, как контроль над ключевыми торговыми путями и городскими центрами, взаимодействие с Византией и Хазарским каганатом, участие в балканских и восточных походах, а также попытки упорядочить систему сбора дани и укрепить княжескую власть формируют ту конфигурацию, в которой Русь выступает уже как заметный субъект международных отношений. В рамках данного блока особое место занимает христианизация при Владимире Святославиче, рассматриваемая как результат совокупности внутренних и внешних факторов, включающая в себя религиозное, политическое и культурное измерения и радикально меняющая статус Руси в европейском и византийском пространстве.

Вторая глава посвящена Руси XI - начала XII века и призвана показать, каким образом созданный в X столетии государственный организм развивается в условиях усложнения династических отношений, роста региональных центров и изменения внешнеполитической обстановки. Внутривнутриполитическая история этого периода рассматривается через проблему организации династической власти, «лестничный» принцип наследования, деятельность Ярослава Мудрого и его потомков, участие городских общин в политических кризисах и поиски компромиссов между различными ветвями княжеского рода. Существенное внимание уделяется формированию правовой системы, прежде всего ранним редакциям Русской Правды, которые свидетельствуют о переходе от традиций кровной мести к нормам денежной компенсации, о закреплении социальной дифференциации и укреплении княжеского суда.

Неотъемлемой задачей второй главы выступает анализ социально-экономического развития Руси XI - начала XII века. Привлечение данных о региональных различиях, хозяйственной специализации, росте городов, расширении земельных владений и изменении положения различных категорий зависимого населения позволяет обучающемуся увидеть за политическими событиями сложную структуру общества, в рамках которой формируются предпосылки дальнейшей удельной раздробленности. Особое внимание уделяется осторожной трактовке статусов смердов, закупов, рядовичей и

других групп, что учит осмотристельности при использовании привычных терминов и стереотипных схем. Наконец, избранный период рассматривается в контексте внешней политики и международных связей Руси: отношений с Византией, западноевропейскими государствами и степными союзами, участия в региональных конфликтах и династических комбинациях, что даёт представление о месте Руси в системе раннесредневековой Европы.

Методологической основой пособия выступает опора на широкий круг источников - прежде всего летописную традицию, византийские и западноевропейские свидетельства, арабские описания, а также данные археологии, лингвистики и нумизматики. При этом акцент делается на критическом подходе к источникам: периодически обращается внимание на поздний характер отдельных повествовательных сюжетов, возможную тенденциозность их авторов, необходимость сопоставлять текстовые свидетельства с материалами других дисциплин. Для обучающихся важным результатом знакомство с такими примерами является формирование понимания того, что историческое знание всегда имеет реконструктивный характер и требует постоянной проверки и уточнения.

Целью пособия является не только изложение основного фактического материала по истории Руси IX - начала XII века, но и формирование у обучающихся навыков научного мышления, умения воспринимать исторический процесс как многомерный и противоречивый. Задачи курса включают: усвоение хронологической канвы событий и ключевых характеристик эпохи; понимание взаимосвязи социально-экономических, политических и культурных процессов; освоение базовой терминологии, связанной с описанием древнерусского общества и государства; знакомство с основными историографическими дискуссиями; выработку навыков самостоятельного анализа источников и научных интерпретаций.

Пособие адресовано, прежде всего, студентам и курсантам вузов, изучающим курс отечественной истории, в том числе в системе ведомственного образования, а также преподавателям, использующим его в учебном процессе, и всем читателям, интересующимся ранним периодом истории России и стремящимся получить целостное, научно обоснованное представление о происхождении и развитии Древнерусского государства.

Пособие призвано способствовать формированию целостного научного видения эпохи, позволяя выявить преемственность и разрывы в политических и идеологических линиях. Таким образом, оно служит не только источником знаний, но и инструментом для развития аналитического мышления, необходимого для глубокого понимания сложных процессов исторического развития России.

Глава I. Зарождение Древнерусского государства.

1. Этногенез и праславянская общность
2. Хозяйственный уклад и социальная структура восточных славян
3. Возникновение государственности и дискуссия о варяжском факторе
4. Русь первых князей: от Рюрика до Святослава
5. Владимир Святославич и христианский выбор Руси.

1. Этногенез и праславянская общность

Проблема происхождения славян и локализации их прародины относится к числу наиболее сложных и дискуссионных в исторической науке. Лингвистические исследования уверенно помещают славянские языки в индоевропейское семейство и выделяют длительный период балто-славянского единства, которое, по распространённым оценкам, распадается в середине I тысячелетия до н. э. Этот этап важен не только хронологически: именно тогда формируется особый лексический фонд и фонетический строй, отличающий будущие славянские языки от соседей и позволяющий очертить регион прародины в пределах Центральной и Восточной Европы.

Однако попытка «нарисовать» на карте чёткую границу прародины неминуемо сталкивается с размытостью археологических и лингвистических критериев: одни исследователи расширяют её к западу, другие - к востоку, третьи подчёркивают полиэтничность и многослойность населения этих территорий. Важно понимать, что праславянская общность была не статичным народом, а динамичной системой, вовлечённой в миграции, контакты и взаимные влияния с балтами, германцами, ираноязычными племенами.

Самые ранние письменные упоминания о народах, которые в историографии сопоставляются со славянами, содержатся у античных авторов I-II веков н. э., говоривших о «венедрах» (Venedi). Плиний Старший и Тацит помещают их к востоку от Вислы, что согласуется с одной из основных гипотез о западной части прародины славян, но однозначная сопоставимость венедов с собственно славянами остаётся дискуссионной: античные авторы опирались на ограниченную информацию и могли обозначать этим этнонимом широкий круг племён.

Более ясная картина складывается в византийских источниках VI века, когда хронисты наблюдают уже активно мигрирующие племена раннесредневековой Европы. Прокопий Кесарийский и Иордан различают две крупные группы - склавинов (Sclaveni), заселявших пространство западнее Днестра, и антов (Antes), располагавшихся между Днестром и Днепром. Оба автора подчёркивают их языковую и культурную близость, воинственность и

относительно «демократическое» общественное устройство, что позволяет рассматривать склавинов и антов как две ветви раннеславянской общности, оказавшейся в эпицентре Великого переселения народов.

Именно в V-VII веках происходит окончательное разделение славян на три ветви - западную, южную и восточную. Восточные славяне постепенно продвигаются на обширное пространство Восточно-Европейской равнины, осваивая новые природные зоны и взаимодействуя с финно-угорским, балтским и тюркским населением, что закладывает основу будущей этнокультурной мозаики Руси.

Археологические данные дают возможность «прощупать» материальный мир раннеславянского населения и соотнести письменные сведения с реальными культурными комплексами. Наиболее широкое признание получила связь раннеславянского массива с пражско-корчакской культурой (V-VII века), ареал которой тянется от Эльбы до правобережья Днепра и характеризуется небольшими неукреплёнными поселениями, полуземлянками, специфической лепной керамикой. В её материальном комплексе многие исследователи видят отражение хозяйства и быта склавинов.

В зоне, традиционно связываемой с антами, выделяется пеньковская культура, которая демонстрирует как общие славянские черты, так и элементы взаимодействия с ираноязычным и германским окружением. Подобная интерпретация раннеславянских культур отражает сложившийся в историографии подход, согласно которому археологические комплексы рассматриваются не как прямые «эквиваленты» народов, а как многосоставные образования, фиксирующие разные уровни этнокультурных процессов (см.: работы по балто-славянской проблематике и обзоры раннеславянских культур у В.В. Седова, И.П. Русановой, др.).

Более ранние комплексы - тшинецкий культурный круг II тысячелетия до н.э., зарубинецкая культура III в. до н.э.-I в. н.э. - рассматриваются как возможные субстраты, но их прямое тождество с праславянами вызывает серьёзные споры: здесь есть риск перенести более позднюю языковую и этническую реальность на археологические комплексы бронзового и раннежелезного веков (см., напр., критические обзоры по проблеме у В.В. Седова и его последователей).

Раннеславянские археологические культуры и их интерпретации

Культура	Хронология	Ареал	Основные признаки материальной культуры	Возможная связь со славянами
Пражско-корчакская	V–VII вв.	От Эльбы до правобережья Днестра	Небольшие неукреплённые поселения, полуземлянки, печи-каменки, простая лепная керамика, почти отсутствие развитого городского слоя	Широко интерпретируется как раннеславянская (часто связана со склавинами), но без прямой «один к одному» этнизации
Пеньковская	V–VII вв.	Между Днестром и Днепром	Поселения с полуземлянками, смешанный комплекс вещей, сочетание «славянских» и ирано-германских элементов	Традиционно соотносится с антами; подчёркивается полиэтничность и контактный характер культуры
Тшинецкий культурный круг	II тыс. до н.э.	Центральная и Восточная Европа	Курганы, керамика тшинецкого типа, металлообработка бронзового века	Рассматривается как возможный субстрат для части балто-славянского массива; <i>прямое отождествление с праславянами спорно</i>
Зарубинецкая	III в. до н.э. – I в. н.э.	Среднее Поднепровье	Поселения и могильники с характерной керамикой, следы земледелия и скотоводства, элементы культурного взаимодействия с соседями	Иногда трактуется как один из субстратов раннеславянского населения Восточной Европы; <i>прямое отождествление с праславянами спорно</i>

К IX веку, вследствие многовековых миграций и колонизации Восточно-Европейской равнины, складываются крупные союзы восточнославянских племён - полян, древлян, северян, кривичей, вятичей и других. Они уже обладают устойчивой территориальной базой, развитыми формами хозяйства и зарождающейся племенной знатью - то есть теми предпосылками, которые позволяют перейти от племенной организации к государственному объединению.

Племенные союзы восточных славян IX века

Племенной союз	Регион (примерно)	Хозяйственные особенности	Возможные центры / ключевые пункты	Значение для формирования Руси
Поляне	Среднее Поднепровье, район Киева	Пашенное земледелие, торговля по Днепру, развитая система дани	Киев и окрестные грады	Ядро будущего киевского центра власти, контроль ключевого участка пути
Древляне	Правобережье Припяти	Земледелие, лесные промыслы; относительно сильные местные элиты	Искоростень <i>предполагаемый центр</i>	Пример напряжённых отношений с Киевом (восстание против Игоря)
Северяне	Левобережье Днепра и Десна	Земледелие, скотоводство, участие в транзитной торговле на восток	Чернигов и другие города Десны	Важный ресурсный и военный резерв; одна из опор киевской власти на востоке
Кривичи	Верхнее течение Днепра, Волги, Зап. Двины	Земледелие, промыслы, активное участие в северных торговых путях	Смоленск, Полоцк	Контроль участков пути «из варяг в греки» и связей с Балтикой
Вятичи	Междуречье Оки и верхней Волги	Земледелие, скотоводство, сохраняющиеся архаичные формы дани	Район Оки <i>точные центры дискусионны</i>	Позднее и неоднократное подчинение; пример длительной интеграции в Русь

2. Хозяйственный уклад и социальная структура восточных славян

К началу IX века восточные славяне достигают стадии развития, которую в историографии принято обозначать как военную демократию - условный термин, унаследованный от советской историографии, но удобный для обозначения переходного типа общественного строя между родоплеменной организацией и раннегосударственными формами. Этот термин условен, но полезен: он фиксирует сочетание ещё достаточно сильных общинных традиций с появлением военной элиты и надобщинных структур власти, возникающих в условиях внешних угроз и активной экспансии.

Основу хозяйства составляло земледелие, адаптированное к различным природно-климатическим зонам Восточной Европы. В лесной полосе северных

и северо-восточных районов преобладало подсечно-огневое земледелие: лес выжигался, на удобренной золой почве несколько лет выращивались культуры, а затем участок забрасывался, что требовало значительных коллективных усилий и способствовало сохранению прочной соседской взаимопомощи. В лесостепной зоне Поднепровья постепенно развивалось пашенное земледелие с использованием железного лемеха, что повышало урожайность и делало возможным устойчивое производство излишков.

Как правило, выращивались рожь, пшеница, ячмень, овёс, просо, а также разнообразные огородные культуры. Важную роль играло скотоводство (прежде всего разведение крупного рогатого скота, свиней, лошадей), охота, рыболовство и бортничество - сбор мёда и воска диких пчёл, который имел не только пищевое, но и торговое значение. Сочетание земледелия с промысловыми занятиями обеспечивало гибкость хозяйства и позволяло адаптироваться к колебаниям природной среды.

В социальной сфере ключевой трансформацией становится переход от родовой общины к соседской (территориальной) общине - верви. Родовые связи ещё сохраняют значение, но хозяйство всё более строится вокруг территориального коллектива, объединяющего несколько семей, совместно пользующихся лесами, лугами, пастбищами. Пашенные участки постепенно закрепляются за отдельными домохозяйствами, что ведёт к укреплению частносемейной собственности, хотя коллективная ответственность общины за преступления и налоговые обязательства продолжает действовать.

Накопление излишков и участие в военной добыче стимулируют имущественное и социальное расслоение. Выделяются князья - военные лидеры, чья власть всё более приобретает наследственный характер; бояре - старшая родовая знать, концентрирующая землю и богатства; дружинники - профессиональные воины, составляющие опору княжеской власти. Дружина делится на «старшую», к кругу которой относятся ближайшие советники и крупные военачальники, и «младшую», включающую рядовых воинов. Такое деление отражает уже сложившуюся иерархию внутри военной элиты и одновременно служит инструментом интеграции самых деятельных членов общины в княжеское окружение.

Развитие ремесла и дальних торговых связей становится важнейшим катализатором политической консолидации. Кузнецы, ювелиры, гончары и другие ремесленники концентрируются в укреплённых поселениях - градах, которые начинают выполнять не только оборонительную, но и экономическую, и политическую функции: здесь сосредотачиваются ремесло, обмен, княжеская администрация и дружина.

Особое значение приобретает водный торговый путь «из варяг в греки», соединявший Балтийское море с Чёрным и Византийской империей через систему рек и волоков. По нему из северных и восточнославянских земель вывозят меха, мёд, воск, рабов, а ввозят серебро, ткани, вина, предметы роскоши. Контроль над этим маршрутом становится ключевой геополитической и экономической задачей формирующейся киевской власти: кто владеет участками пути и его узловыми пунктами, тот распоряжается потоками богатств и может содержать более крупную дружину.

Система сбора дани - полюдь - выполняет сразу несколько функций. Ежегодный объезд князем и дружиной подвластных племён обеспечивает поступление натурального и денежного эквивалента (меха, продукты, серебро) в княжескую казну; одновременно полюдь служит средством демонстрации силы и поддержания политической лояльности. Однако архаический характер этой практики, основанный на личном присутствии князя и возможности произвола, делает её потенциально конфликтной, что особенно ярко покажет история князя Игоря и восстания древлян.

Таким образом, к моменту появления первых летописных рассказов о князьях восточные славяне уже обладают комплексом внутренних предпосылок государственности: развитым хозяйством, сложной социальной структурой, формирующейся элитой, сетью городских центров и включённостью в международную торговлю. Эти факторы сами по себе не создают государство, но делают его возникновение вероятным и почти неизбежным при наличии внешних вызовов и политических лидеров, способных конвертировать военную силу и торговые интересы в устойчивую власть.

3. Возникновение государственности и дискуссия о варяжском факторе

Вопрос о происхождении Древнерусского государства стал одним из центральных сюжетов русской и зарубежной историографии. Уже в XVIII веке немецкие учёные Российской академии наук - Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлёцер - сформулировали норманнскую теорию, опираясь главным образом на «Повесть временных лет» и её рассказ о призвании варягов. В буквальном прочтении летописи Рюрик и его сотоварищи, пришедшие «за морем» в 862 году, представлены как внешняя сила, которая приносит на землю восточных славян готовые формы политической организации.

В радикальных вариантах норманизм сопровождался утверждением о неспособности самих славян к государственному строительству, что придавало концепции уничижительный оттенок и делало её объектом не только научной, но и политической критики. Тем не менее, сама фиксация скандинавского

компонента в ранней русской истории имела под собой источниковую базу: наличие скандинавских имён в династии, археологические материалы и широкие контакты с северной Европой.

Резкую критику норманнской теории развил М. В. Ломоносов, положив начало антинорманнскому направлению. В «Древней Российской истории» он стремился доказать автохтонный, «самостоятельный» характер русской государственности, интерпретируя варягов не как скандинавов, а как славянское племя балтийского побережья. На первый план выдвигалась внутренняя эволюция восточнославянского общества, а роль скандинавов минимизировалась.

В XIX веке спор продолжился в трудах Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, Н.И. Костомарова, Д.И. Иловайского и других. Погодин, в целом принимая скандинавское происхождение варягов, считал их приход важным, но не единственным фактором образования государства; Костомаров и Иловайский, напротив, подвергали сомнению достоверность самого рассказа о призвании, видя в нём более позднюю идеологическую конструкцию.

Решающую роль в источниковедческой критике сыграли исследования А.А. Шахматова, который в начале XX века, анализируя структуру летописных сводов, показал поздний характер «Сказания о призвании варягов» и его возможную связь с политическими задачами XII века - легитимацией династии и урегулированием межкняжеских конфликтов. Это не отменило существование варяжского элемента, но лишило норманнскую теорию её главного «буквального» аргумента. Источниковедческая критика Шахматова стала отправной точкой для последующего пересмотра представлений о летописных сводах и ранних политических нарративах (см. также исследования по текстологии Повести временных лет у А. А. Зимина, Л. В. Черепнина).

В советской историографии, где акцент делался на внутренних социально-экономических закономерностях, антинорманнизм стал доминирующим. Б.А. Рыбаков и его последователи подчёркивали степень зрелости восточнославянского общества к IX веку, рассматривая варягов как наёмную военную силу и торговцев, но не как создателей государства.

К концу XX века складывается центристский подход, стремящийся уйти от крайностей - как норманнизма, так и антинорманнизма. В рамках этой концепции образование Древнерусского государства понимается как результат сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов:

- внутренние - разложение родового строя, формирование имущественного неравенства, развитие земледелия, ремесла и торговли, появление племенной знати и централизованных военных структур;

– внешние - варяжское присутствие, контроль над международными торговыми маршрутами, прежде всего над путём «из варяг в греки», а также влияние Византии и степного мира.

Скандинавы рассматриваются как важный, но не единственный и не самодостаточный элемент: их дружины, будучи частью трансевропейских торгово-военных сетей, могли ускорить процессы консолидации, предоставить «кадры» для военной и административной верхушки, но действовали в уже сформировавшемся восточнославянском пространстве с собственными политическими и экономическими тенденциями. Сочетание внутренних и внешних факторов - наиболее продуктивная модель объяснения происхождения Древнерусского государства (см., напр., работы В. Л. Янина, П. П. Толочко, а также обобщающие обзоры по проблеме истоков Руси). Именно такой синтетический подход сегодня позволяет наиболее убедительно объяснить раннюю историю Руси.

4. Русь первых князей: от Рюрика до Святослава

Летописная традиция связывает возникновение династической власти на Руси с фигурой Рюрика, которого «Повесть временных лет» представляет как приглашённого правителя, пришедшего из-за моря «со своим родом». В этом рассказе отразилось важное изменение: местные общины, уставшие от междоусобной борьбы, передают военную и судебную функцию внешнему лидеру, который опирается на профессиональную дружину и контролирует ключевые торговые пункты.

Рюрик фигурирует не как абстрактный «основатель государства», а как глава военной и торговой группы, закрепляющейся в узловых пунктах северной части пути «из варяг в греки». Летопись упоминает о распределении им городов и укреплений между ближайшими соратниками: создаётся сеть опорных пунктов, которые обеспечивают безопасность путей, сбор дани и функционирование обмена. В этом контексте Рюрик выступает не столько как «монарх» в позднейшем смысле, сколько как старший вождь союза военных коллективов, взявший на себя роль верховного судьи и организатора торговли.

Особый интерес вызывают упомянутые рядом с Рюриком Синеус и Трувор. В историографии существуют различные трактовки: одни исследователи считают их его братьями и самостоятельными правителями в Белоозере и Изборске, другие видят в этих именах результат позднейшего непонимания скандинавских слов или титулов. В любом случае их появление в летописном рассказе подчёркивает принцип распределения власти по опорным центрам: ранняя «Русь» - это ещё не единое государство, а сеть связанных

между собой владений, объединённых личной верностью и общими экономическими интересами.

К моменту активизации варяжского элемента в северных землях Киев уже существует как важный центр на среднем Днепре. По летописи, здесь правят Аскольд и Дир - военные лидеры, связанные с дружиной и торговлей. Их происхождение остаётся предметом споров: одни исследователи считают их выходцами из варяжской среды, другие - представителями местной элиты, но в обоих подходах подчеркивается их опора на дружину и контроль над потоком товаров по Днепру.

Киев занимает выгодное положение на пересечении сухопутных и водных маршрутов: через него проходит путь «из варяг в греки», близость к степи открывает доступ к южным рынкам, а положение на границе лесной и степной зон позволяет контролировать сбор дани с различных племенных союзов. Поэтому борьба за Киев - это борьба за контроль не только над территорией, но и над важнейшим участком международной торговли.

Хотя в более поздней традиции Аскольд и Дир нередко изображаются как «узурпаторы», уже сам факт их договоров с Византией и участия в походах на Константинополь показывает, что при них Киевский центр обладает значительной военной силой и политической субъектностью. Именно их устранение и подчинение Киева новгородскому князю Олегу станет поворотным моментом в истории ранней Руси.

После смерти Рюрика власть в Новгороде переходит к его соратнику Олегу, который становится опекуном малолетнего Игоря. Обладая опорой в виде северных владений и дружины, Олег предпринимает поход по Днепру, цель которого - овладеть киевским узлом торговых и политических связей.

В 882 году Олег захватывает Киев, устранив Аскольда и Дира, и объединяет под своей властью два крупнейших центра - новгородский и киевский. Политический «центр тяжести» смещается на Днепр: отсюда удобнее контролировать путь к Константинополю, собирать дань с племён лесостепной зоны и вести переговоры с Византией и степными объединениями. Киев становится резиденцией князя, а за ним закрепляется образ «матери городов русских», что отражает его первенство в сети восточнославянских градов.

Походы Олега на Византию завершают процесс превращения Руси в заметный фактор международной политики. Основной целью этих походов было не разрушение Константинополя, а принуждение к заключению выгодных торговых соглашений. Договор 911 года фиксирует право русских купцов прибывать в столицу Византии, жить в отведённых кварталах, торговать без пошлин и пользоваться юридической защитой. Для Руси это означает доступ к одному из крупнейших рынков средневекового мира и легальное включение

своих купцов в систему средиземноморской торговли; для Византии - возможность регулировать северный поток товаров и ограничивать опасные набеги, переводя отношения в договорное русло.

Таким образом, при Олеге складывается киевское ядро Руси: объединяются важнейшие города, устанавливаются регулярные связи с Византией и формируется модель, в которой военное давление на юг используется для получения торговых и политических уступок.

Правление Игоря, сына Рюрика, продолжает линию Олега на контроль над торговыми путями и сбор дани с широкого круга восточнославянских племён. Киевский князь выступает как верховный властитель, но его власть ещё в значительной мере опирается на подвижность дружины и на практику полюдья - ежегодного объезда подвластных территорий ради получения дани.

Во внешней политике Игорь стремится закрепить позиции Руси в византийском направлении. Поход 941 года завершается тяжёлым поражением от византийского флота, применившего «греческий огонь», что показывает, насколько рискованной была попытка силового давления без учёта изменения военного баланса. Однако второе выступление против Византии в 944 году приводит к заключению нового договора, пусть и менее выгодного, чем соглашение 911 года. Это свидетельствует о том, что, несмотря на поражения, Русь остаётся значимой военной силой, а Византия предпочитает закрепить отношения юридически, а не поддерживать состояние постоянной войны.

Именно при Игоре выявляется напряжение между растущими потребностями княжеской дружины и архаичностью системы полюдья. Дружина требует всё больше ресурсов: походы, вооружение, подарки и пиры - неотъемлемая часть поддержания её лояльности. В этих условиях князь стремится увеличить сбор дани, но не располагает ещё административным аппаратом и чёткими нормами налогообложения. Попытка Игоря собрать дань с древлян повторно, нарушив сложившийся обычай, приводит к открытому сопротивлению и его гибели.

Восстание древлян - это не случайный эпизод, а показатель того, что власть, основанная на личном объезде и произвольном распределении повинностей, становится опасно нестабильной. Смерть князя от рук подвластного племени демонстрирует пределы прежних механизмов управления и подводит к необходимости их реформирования.

После убийства Игоря власть в Киеве переходит к его вдове Ольге, которая правит как регент при малолетнем Святославе. Первые шаги Ольги - жестокая расправа над древлянами - имеют важный политический смысл: они показывают всем подвластным землям, что удар по князю не остаётся без ответа и что княжеская власть обладает ресурсами для сурового возмездия.

Однако историческое значение Ольги определяется прежде всего её реформами. Осознав разрушительный потенциал произвольного полюдья, она вводит фиксированные нормы и места сбора дани. Уроки - заранее установленные размеры дани - превращают неопределённый побор в более предсказуемую обязанность, а погосты - пункты её сбора - становятся опорными центрами княжеской власти на местах. Со временем многие погосты получают не только фискальные, но и судебные, а затем и церковные функции, образуя сеть, которая пронизывает племенные территории и ослабляет автономию отдельных племенных союзов.

Тем самым киевская власть начинает переходить от подвижной, личной формы управления к более устойчивой территории-ориентированной системе, в которой власть князя подкрепляется не только дружиной, но и регулярным сбором ресурсов и присутствием его представителей. Эта трансформация значительно снижает риск открытых восстаний и создаёт основу для дальнейшего развития законодательства и административных структур.

Дипломатическая миссия Ольги в Константинополь в 957 году и её крещение под именем Елена становятся важной вехой в истории контактов Руси с Византией. Личное принятие христианства княгиней не приводит к немедленной христианизации всей Руси, но открывает новый уровень взаимодействия: Русь воспринимает Византию не только как торгового партнёра и военного соперника, но и как источник религиозных, правовых и культурных моделей. В глазах византийской элиты крещение Ольги делает киевский двор более предсказуемым и «своим» в конфессиональном отношении, что облегчает заключение соглашений и обмен посольствами.

Таким образом, правление Ольги связывает вместе две важнейшие линии развития Руси: внутреннее укрепление власти через реформы уроков и погостов и углубление контактов с Византией через принятие христианства на уровне верхушки общества.

На востоке интересы Руси сталкивались с Хазарским каганатом, который в VIII-X веках контролировал важнейшие участки торговых путей по Волге и Дону и выступал посредником между севером и мусульманским Востоком. Через хазарские города проходили потоки серебра, восточных тканей, пряностей, рабов; значительную часть доходов каганат получал в виде пошлин с купцов и выгоды от работоторговли.

Для Руси такая ситуация означала необходимость мириться с посредничеством Хазарии или пытаться обойти её влияние. Русские дружины и купцы стремились к прямому выходу на рынки Востока, где высоко ценились северные меха, мёд и воск. Запреты, пошлины и набеги, исходившие от хазарских властей или зависимых от них групп, затрудняли свободное

движение по восточным маршрутам и подталкивали Русь к усилению военного присутствия в этих регионах.

Противостояние с каганатом было не только экономическим, но и политическим. Хазария стремилась удержать в сфере своего влияния ряд восточнославянских и финно-угорских племён, взимая с них дань, в то время как Киев претендовал на те же земли как на источник своих доходов. Переключение данных племён с хазарского на русское подданство означало для каганата потерю ресурсов, а для Руси - укрепление собственной власти и рост экономической базы.

К середине X века, после совершеннолетия Святослава, политический курс Киевской Руси заметно меняется: на первый план выходят масштабные военные походы, которые охватывают восточное, южное и балканское направления. Летописец подчеркивает воинский образ князя, его простоту в быту и неприязнь к «роскоши», что отражает идеал дружинного лидера, живущего вместе с воинами и разделяющего с ними опасности.

Разгром Хазарского каганата становится одним из центральных эпизодов правления Святослава. Русские войска захватывают Саркел (Белую Вежу) - крупную крепость на Дону, а затем и столицу Итиль, подрывая способность каганата контролировать торговые пути и взимать пошлыны. Для Руси это открывает возможность усилить своё присутствие на Волге и в Нижнем Поволжье, а также перераспределить в свою пользу часть выгод от торговли с исламским Востоком.

Устранение Хазарии как региональной державы меняет конфигурацию сил на востоке и юге. Исчезает буфер, который удерживал в определённых пределах движение кочевых племён. Южная степь становится более открытой для новых кочевых объединений, и нагрузка по защите границ ложится в большей мере на Киевскую Русь. Уже в ближайшие десятилетия усиливаются печенеги, а в более позднее время здесь появятся половцы.

После успехов на востоке Святослав переносит основную активность на Балканы. Византия, стремясь ослабить Болгарское царство, привлекает его как союзника. Русские войска быстро продвигаются по Дунайской Болгарии, занимая ряд ключевых городов. В какой-то момент Святослав планирует перенести свою резиденцию в Переяславец на Дунае, объясняя это тем, что туда «стекаются все блага» - из греческих земель золото, ткани и вина, из западных стран серебро и кони, из Руси меха, воск, мёд и «челядь».

Это высказывание показывает, как князь представлял себе идеальный центр своей власти: город на пересечении торговых потоков, одновременно связанный с Византией, Центральной Европой и Русью. Такой проект объективно превращал его в потенциального соперника Византии, для которой

появление сильной державы на Дунае было опасно. Сначала Русь используется как орудие против Болгарии, но после её успехов Константинополь стремится ограничить русское присутствие и вернуть контроль над регионом.

Война между Русью и Византией завершается осадой Доростола (971 г.), тяжёлыми боями и подписанием мира, по условиям которого Святослав обязуется покинуть Балканы и не воевать против империи. Формально Русь сохраняет честь оружия, но её планы создания дунайского центра рушатся, и князь вынужден возвращаться на Днепр.

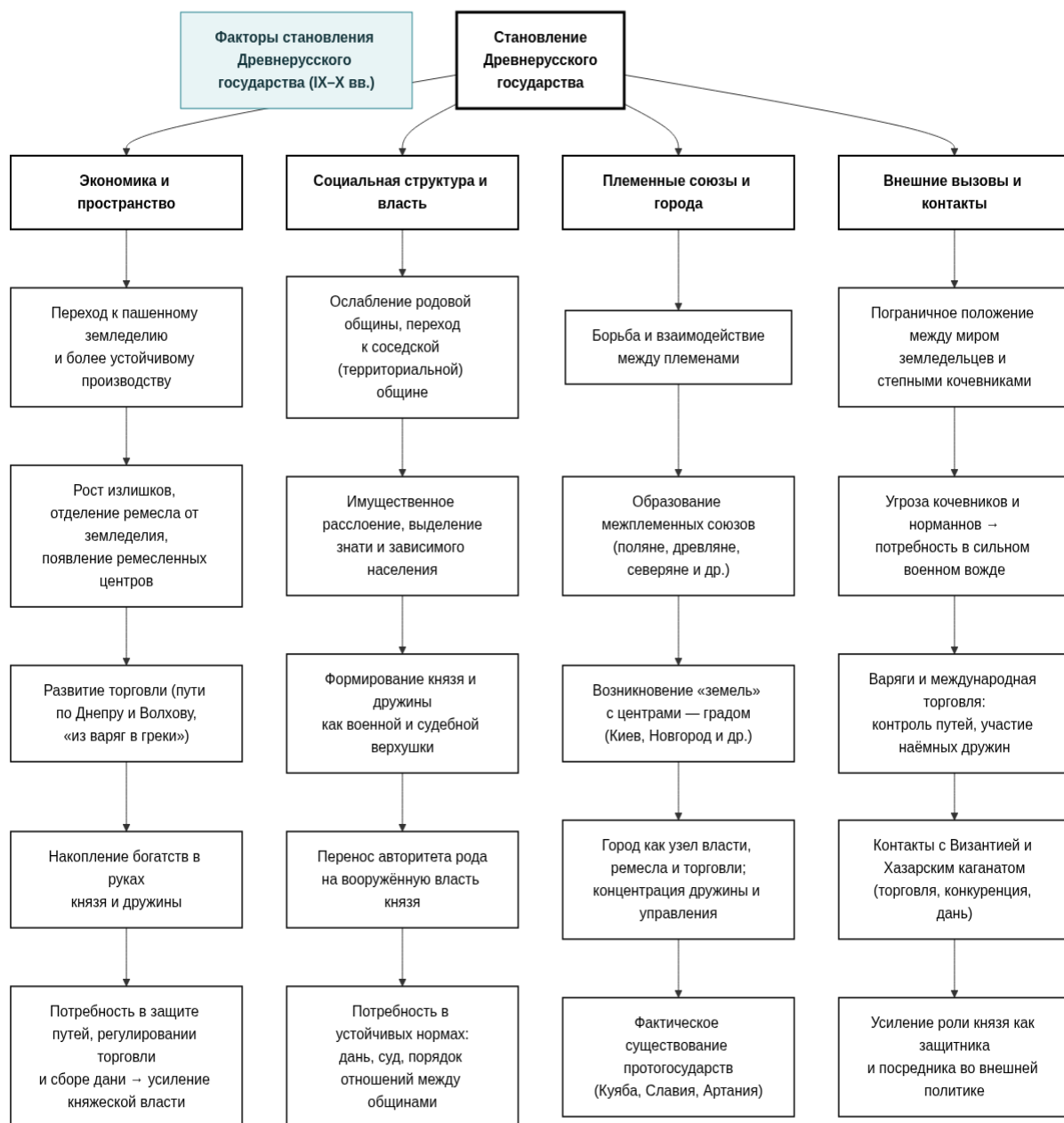
Весной 972 года, возвращаясь из похода, Святослав погибает в бою с печенегами у днепровских порогов. Летописная традиция связывает нападение с возможным влиянием византийской дипломатии, что ещё раз подчёркивает сложность политических комбинаций в регионе.

Военная экспансия Святослава приносит Руси громкую славу и кратковременные успехи, но одновременно подрывает некоторые опоры внешней стабильности. Уничтожение Хазарии и попытка закрепиться на Дунае расширяют горизонты влияния, но создают новые зоны напряжения - открывают степь для кочевников, обостряют отношения с Византией, перегружают военными задачами ещё недостаточно оформленное в административном отношении государство. После смерти князя разгорается борьба между его сыновьями, которая показывает, что внутренняя структура власти отстаёт от масштабов внешних амбиций.

5. Владимир Святославич и христианский выбор Руси

После гибели Святослава Киевская Русь погружается в междоусобную борьбу его сыновей - Ярополка, Олега и Владимира. Отсутствие чётко оформленного порядка наследования и ориентация власти на личный авторитет князя делают конфликт почти неизбежным. Старший сын, Ярополк, занимает Киев; младший, Владимир, княжит в Новгороде, опираясь на северные земли и варяжскую дружину.

В конце 970-х годов Владимиру удаётся собрать значительные военные силы, заручиться поддержкой варяжских отрядов и начать наступление на Ярополка. В 980 году, после серии столкновений и гибели Ярополка, Владимир занимает Киев и становится единовластным правителем обширного пространства от Ладоги до низовьев Днепра. Победа в междоусобице не просто устраняет соперников, но и открывает возможность перейти от стихийного расширения к систематическому укреплению власти и реорганизации управления.

Первые годы правления Владимира проходят под знаком территориальной консолидации. Он подчиняет или окончательно закрепляет за Киевом ряд племенных союзов - вятичей, радимичей, белых хорватов, - создаёт новые укреплённые пункты на южных рубежах, организует оборонительные линии (валы, крепости) против печенежской угрозы. Эти меры отражают двойную задачу: с одной стороны, защитить торговые маршруты и земледельческое население от степных набегов, с другой - обеспечить стабильный приток дани и контроль над местной знатью.

Придя к власти, Владимир сталкивается с проблемой: полиэтническое и территориально разросшееся государство нуждается в общегосударственной идеологической системе, выходящей за рамки локальных племенных культов. Каждый племенной союз имел свои сакральные центры и традиции, а князь,

претендующий на власть над всеми, должен был предложить нечто объединяющее.

Около 980 года Владимир предпринимает попытку создать общегосударственный языческий культ. В Киеве на холме устанавливается пантеон во главе с Перуном, которому отводится роль главного божества дружинной и княжеской элиты; рядом ставятся идолы других богов, почитаемых различными племенами. Этот шаг можно рассматривать как попытку «централизации» язычества: Киев становится не только политическим, но и религиозным центром, где сосредоточен официальный пантеон.

Однако языческая реформа вскоре обнаруживает свои ограничения. Язычество, даже в организованной форме, остаётся системой локальных культов, основанных на традиции и обряде, а не на развитой догматике и универсальной этике. Оно плохо подходит для обоснования единой власти над разнородным населением и для включения Руси в пространство международных отношений, где уже доминируют мировые религии - христианство и ислам. Кроме того, жречество и племенная знать, связанные с местными культами, не всегда готовы воспринимать киевский пантеон как безусловный авторитет.

Таким образом, языческая реформа становится важным, но переходным этапом. Она показывает стремление князя использовать религию в интересах политического единства, но выявляет недостаточность языческой системы для решения задач, вставших перед Киевской Русью на рубеже X-XI веков.

К моменту закрепления Владимира в Киеве Русь уже включена в устойчивые экономические связи с Византией. Константинополь остаётся главным южным партнёром: сюда вывозится часть дани и военной добычи - меха, воск, мёд, лён, рабы; отсюда поступают ткани, металлы, вина, изделия роскоши. На константинопольском рынке княжеская власть конвертирует ресурсы, полученные от населения, в престижные товары, которыми оплачивает службу дружины и укрепляет своё положение.

Для Византии Русь одновременно источник доходов и потенциальная угроза. Империя стремится поддерживать с Киевом торговые отношения, выгодные для константинопольских купцов и казны, но при этом опасается появления слишком сильного северного союзника или противника на Чёрном море и Дунае. Византийская дипломатия активно использует династические браки, посольства и религиозные контакты, стараясь связать Русь с собственной политической и духовной орбитой.

Во времена Владимира Русь активно взаимодействует и с западными соседями - Польшей, Чехией, Венгрией. Эти контакты не сводятся к военным столкновениям: наряду с конфликтами за пограничные территории (Червенские

города, Прикарпатье) развиваются династические браки, торговые и политические союзы.

Связи с Чехией и Венгрией усиливают роль Руси как участника центрально-европейской политики; отношения с Польшей, где уже утвердилось латинское христианство, ставят Киев перед необходимостью определиться, к какому конфессиональному и культурному центру он намерен примкнуть. Таким образом, к концу X века Русь оказывается на перекрёстке нескольких цивилизационных полюсов - византийского, латинского, исламского и сохраняющегося языческого.

Летописный рассказ об «испытании вер», где Владимир принимает послов от мусульман, иудеев, западных христиан и греческих православных, отражает осознание современниками многовариантности цивилизационного выбора. Хотя этот сюжет носит литературный характер, он точно передаёт суть ситуации: Киевская Русь уже живёт в мире, где религия - не только вера, но и маркер политической принадлежности.

Внутренние причины обращения к монотеистической религии включали несколько аспектов:

- Необходимость укрепить власть князя, придать ей сакральный характер и вывести её за пределы обычных племенных традиций.
- Потребность в общей системе норм, регулирующих семейную жизнь, наследование, клятвы и ответственность - то, что в христианстве обеспечивалось каноническим правом и церковной моралью.
- Желание уменьшить влияние племенных элит и жречества, связанных с местными языческими культами, и опереться на новую, лояльную князю церковную организацию.

Внешние причины были не менее значимы:

- Языческое государство воспринималось христианскими и исламскими державами как «чужой» элемент, чьи правители уступают в престиже крещёным королям и императорам.
- Принятие христианства открывало путь к династическим бракам с правящими домами Европы и Византии, к участию в общеевропейских политических комбинациях и более выгодным торговым соглашениям.
- Выбор в пользу византийского православия позволял опереться на уже сложившиеся торговые и политические связи с Константинополем и избежать прямого подчинения Риму, что было важно для сохранения внутреннего суверенитета княжеской власти.
- Таким образом, решение Владимира было не только актом личной веры, но и прагматическим шагом крупного правителя, стремившегося

обеспечить своему государству устойчивое положение в системе международных отношений.

События, приведшие к крещению Владимира и Руси, описываются в источниках по-разному, но их общий контур достаточно ясен. В конце 980-х годов в Византии разгорается внутренний кризис, императорам Василию II и Константину VIII требуются военные силы для борьбы с мятежниками. Владимир предоставляет отряды варягов и русской дружины, рассчитывая получить в награду брак с сестрой императоров Анной - беспрецедентный для варварского правителя союз с порфирородной принцессой.

Брак такого уровня был возможен лишь при условии, что Владимир станет христианином. Когда исполнение договорённостей затягивается, князь захватывает византийский Херсонес (Корсунь) в Крыму - важный торговый и стратегический пункт империи. Этот шаг усиливает позиции Руси в переговорах: Византия вынуждена подтвердить соглашения, согласиться на брак Анны с Владимиром и на крещение князя по византийскому обряду.

После принятия крещения Владимир возвращается в Киев и организует массовое крещение жителей города, по летописному рассказу - в водах Днепра. Идолы языческих богов сбрасываются в реку, что символизирует отказ от прежних культов и утверждение новой религии как основы общественной жизни. Христианизация проходит сверху вниз: инициатива исходит от князя и его окружения, а церковная структура тесно связана с княжеской властью.

Принятие христианства по византийскому образцу стало для Руси не только религиозным, но и государственным и цивилизационным рубежом. Оно закрепило уже сложившуюся политическую структуру и одновременно придало ей новые смыслы и инструменты управления.

Христианство дало киевскому князю теологическое обоснование власти: она стала восприниматься как установленная Богом и поддерживаемая церковью. Это усилило авторитет князя по отношению к местной знати и племенным лидерам, чьи позиции опирались на традицию и языческие культы.

Церковь стала важным партнёром власти в деле интеграции разнородного населения. Единая вера, общие праздники, общая система моральных норм и церковных наказаний работали на сплочение различных племенных групп и ослабление региональных различий. На этом фундаменте легче формировался общий «русский» политический и культурный горизонт, выходящий за пределы узких племенных идентичностей.

Крещение радикально изменило положение Руси в системе международных отношений. Приняв христианство, Русь стала восприниматься как «своё» государство в глазах других христианских держав, что облегчило заключение равноправных договоров и династических браков.

Брак Владимира с Анной, сестрой византийских императоров, стал прецедентом, после которого династия Рюриковичей активно включилась в брачную политику Европы: русские княжны выходили замуж за представителей правящих домов Польши, Венгрии, Норвегии, Франции. Это не только повышало престиж, но и открывало доступ к союзам, военным и торговым соглашениям. Русь окончательно закрепилась как часть христианского мира, сохранив при этом особую связь с византийской традицией. Принятие христианства в византийском (а не латинском) варианте предопределило последующую ориентацию на православный Восток и дистанцию от Рима.

Христианизация способствовала укреплению и оформлению земельной собственности. Церковь быстро стала крупным землевладельцем: ей передавались земли и сёла, что закреплялось в дарственных актах и поддерживалось авторитетом новой религии. В раннефеодальном государстве к XI веку церковное землевладение становится важным элементом феодальной пирамиды.

Это стимулировало развитие феодальных отношений: усиливалось значение частной собственности на землю, формировалась зависимая от светских и церковных владельцев масса населения.

Церковные нормы воздействовали и на социальную практику. Под влиянием христианской этики постепенно ограничивались некоторые формы кровной мести, закреплялся брачный моногамный союз, поощрялись благотворительность и забота о бедных, больных, сиротах. Хотя эти процессы были длительными и неоднородными, они задавали направление развития, отличное от предшествующих племенных обычаев.

Одним из глубочайших последствий Крещения стала культурная трансформация. На Русь пришла книжная традиция, основанная на переводах с греческого языка; появились школы при монастырях и епископских кафедрах, в которых обучали грамоте и основам богословия. Началось систематическое летописание, связанное с церковной средой: христианская схема истории мира и народа накладывается на местные сюжеты, формируя особый взгляд на прошлое.

Храмовое строительство привело к появлению новых типов архитектуры: каменные соборы, украшенные фресками и мозаиками, стали не только религиозными, но и политическими символами власти. Иконопись и книжная миниатюра вписали Русь в круг византийской художественной традиции, при этом постепенно вырабатывался собственный стиль.

Церковное право - через уставы, княжеские и церковные соглашения - взаимодействовало с обычным правом и влияло на формирование

древнерусских правовых памятников, таких как ранние редакции «Русской Правды». В результате нормы, связанные с браком, наследством, наказаниями за отдельные преступления, начали осмысляться в новой, христианской рамке.

В совокупности эти изменения превратили Киевскую Русь из союза племён, объединённых личной властью князя и общими торговыми интересами, в христианское государство европейского типа, прочно включённое в византийскую культурную и церковную ойкумену.

Выводы

К IX веку восточные славяне завершили формирование крупных племенных союзов и достигли уровня социально-экономического развития, при котором централизованная власть становилась необходимым условием сохранения внутренних и внешних позиций. Переход от родовой общины к соседской, рост имущественного неравенства, появление князей, дружины и городов-градов создали внутреннюю основу для будущего государства.

Внешняя среда усиливала эту тенденцию. Контакты и конфликты с Хазарским каганатом, степными кочевниками, Византией, а также связи с западными соседями - Польшей, Чехией, Венгрией - втягивали восточнославянские земли в широкое пространство политической и экономической конкуренции. Контроль над ключевыми торговыми путями, прежде всего над маршрутом «из варяг в греки» и восточными ветвями к Волге, стал стержнем внешней политики ранних князей.

Деятельность Олега, Игоря, Ольги и Святослава оформила киевский центр как ядро государства. Олег объединил север и юг, обеспечив контроль над Днепровским путём и закрепив Киев как главную резиденцию. Игорь продолжил внешнюю активность, но показал пределы архаической системы полюдья, которая, не будучи реформирована, приводила к острым конфликтам. Ольга заложила основы регулярного управления и открыла византийский культурно-религиозный канал. Святослав довёл военную экспансию до апогея, ликвидировал Хазарский каганат как соперника, но одновременно обнажил уязвимость южных рубежей и показал, что масштаб внешней политики опережает институциональную зрелость государства.

Правление Владимира стало кульминацией этих процессов. Победив в междоусобной борьбе, он завершил территориальную консолидацию, попытался опереться на языческую реформу, но в итоге сделал выбор в пользу византийского христианства. Крещение Руси закрепило внутреннюю власть князя, придало ей сакральный характер, включило Русь в круг христианских государств и открыло путь к усвоению византийского культурного наследия.

Христианство стало «идеологией единого раннефеодального государства», а не только культурным поворотом.

Таким образом, IX-X века - это эпоха, в которую из комплекса племенных образований, связанных торговлей и военной силой, рождается Древнерусское государство. Внутренние социально-экономические изменения и внешние геополитические влияния образуют единую ткань: варяжский фактор ускоряет процессы консолидации; Византия и Хазария задают внешние ориентиры и вызовы; принятие христианства завершает оформление политического и культурного облика Руси как самостоятельной, но глубоко интегрированной в европейский и византийский мир державы.

Вопросы для самоконтроля:

Фактический уровень

1. Какие восточнославянские племенные союзы (не менее четырёх) выделяются источниками к IX веку, и в каких регионах Восточно-Европейской равнины они локализуются?
2. Кто и в каком году, согласно летописной традиции, объединил Новгород и Киев под своей властью, сделав Киев центром ранней Руси?
3. Какие основные направления внешней экспансии связаны с деятельностью князя Святослава (назовите не менее двух регионов)?
4. В каком десятилетии и при каком князе произошло Крещение Руси, и какие два политических центра были ключевыми в этом процессе?

Причинно-следственный уровень

5. Какие хозяйственные и социальные изменения у восточных славян сделали возможным переход от родоплеменной организации к раннегосударственным формам власти?
6. Как особенности торгового пути «из варяг в греки» повлияли на выбор Киева в качестве политического центра и на характер ранней княжеской власти?
7. Почему система полюдья становилась источником конфликтов, и как реформы Ольги изменили взаимоотношения между княжеской властью и подвластными территориями?
8. Как связаны между собой разгром Хазарского каганата Святославом и последующее усиление внешних угроз для Руси со стороны кочевых объединений степи?
9. В чём проявлялась взаимосвязь между военной экспансией ранних князей и формированием сети городских центров на территории Руси?

Историографический / дискуссионный уровень

10. Каковы сильные и слабые стороны норманнской и антинорманнской интерпретаций происхождения Древнерусского государства с точки зрения современных представлений о роли внутренних и внешних факторов?

11. Почему рассказ «Повести временных лет» о призвании варягов и фигуре Рюрика считается источниковедчески проблемным, и какие выводы делает историография из анализа летописных сводов?

12. Каким образом современные исследования по археологии и этногенезу восточных славян корректируют традиционные представления о «прародине» и ранних миграциях славянских племён?

13. В чём состоят основные историографические споры вокруг оценки правления Святослава: как соотносится его военный успех и долгосрочные последствия его политики для устойчивости раннего государства?

Глава II. Русь XI - начала XII века: между единством и удельной обособленностью.

1. Политическое развитие XI века и проблема династического порядка
2. Социально-экономические процессы и формирование раннефеодальных отношений в XI - начале XII века
3. Русь в системе международных связей

1. Политическое развитие XI века и проблема династического порядка

Смерть Владимира Святославича в 1015 году выявила противоречие между масштабом созданного им государства и неустойчивостью династического порядка. Формально власть воспринималась как достояние рода Рюриковичей, однако чётко кодифицированного механизма престолонаследия не существовало. Представления о старшинстве в роде пересекались с практикой раздачи уделов многочисленным сыновьям, каждый из которых имел собственную дружину, связи с местной знатью и опору на экономически значимый регион.

Борьба между сыновьями Владимира, завершившаяся победой Ярослава, была обусловлена не только личными амбициями и нравственно-религиозной проблематикой княжеских убийств. За ней стоял вопрос о том, будет ли Русь восприниматься как единое политическое пространство под властью старшего, или как совокупность практически самостоятельных уделов, где каждый князь защищает интересы своей линии и своей «земли». Утверждение Ярослава в Киеве в 1019 году стало результатом сочетания военного успеха, поддержки новгородской и варяжской дружины и стремления части элиты к восстановлению ясного центра власти, способного координировать действия различных земель и обеспечивать защиту от внешних угроз.

Правление Ярослава Владимировича (ум. 1054) воспринимается как попытка придать устойчивость государству посредством упорядочения династических отношений, кодификации права и институционализации церкви. Соглашение с братом Мстиславом Тмутараканским, в результате которого Русь была разделена по Днепру, а восточная часть с центром в Чернигове отошла Мстиславу, отражало стремление учесть интересы разных ветвей, не обостряя вопроса о киевском столе. После смерти Мстислава (1036) Ярослав вновь сосредоточил в своих руках власть над основными русскими землями, что позволило ему проводить более последовательную внутреннюю политику.

С именем Ярослава связывается формирование начальной редакции Русской Правды. Вопрос о точном составе «Правды Ярослава» и хронологии отдельных статей остаётся дискуссионным, однако распространено мнение, что

при нём были закреплены основные нормы, ограничивавшие кровную месть и заменявшие её денежными штрафами - вирой и головничеством. Эти нормы переводили урегулирование конфликтов из сферы родовой мести в сферу княжеского суда и тем самым укрепляли роль князя как верховного арбитра. Одновременно Русская Правда фиксировала социальную дифференциацию, различая ответственность за преступления в зависимости от статуса потерпевшего и виновного; при этом трактовка отдельных категорий населения (прежде всего смердов, закупов, рядовичей) в историографии остаётся предметом обсуждения, и их положение, реконструируемое по текстам, нельзя считать полностью однозначным.

Важнейшим результатом правления Ярослава стало оформление церковно-административной структуры. В 1030-е годы в Киеве окончательно утверждается митрополичья кафедра, а сеть епископских центров складывается в крупнейших городах Руси. Церковь выступала не только носителем христианской идеологии, но и важным экономическим и политическим институтом, накапливая земельные владения и участвуя в легитимации власти. Назначение в 1051 году Иллариона митрополитом без согласия Константинополя стало прецедентом, демонстрирующим стремление великого князя усилить контроль над местной церковью и придать ей более автономный характер при сохранении конфессиональной общности с Византией.

Киев при Ярославе достигает вершины политического и культурного развития. Строительство Софийского собора, возведение Золотых ворот, развитие ремесла и торговли, деятельность книжников и переводчиков превращают столицу в один из центров восточнохристианского мира. Однако уже в эти годы распределение земель между многочисленными сыновьями, укрепление позиции региональных центров - Новгорода, Чернигова, Переяславля, Волыни - и рост влияния местных элит создают предпосылки для будущей дезинтеграции.

После смерти Ярослава его сыновья - Изяслав, Святослав и Всеволод - попытались сохранить единство через соглашение о совместном управлении. На первых порах они выступали согласованно, что в историографии иногда описывается как «триумвират Ярославичей». Совместное расширение Русской Правды, в частности ограничение кровной мести и закрепление денежной компенсации за убийство, отражает стремление укрепить княжеский суд и придать более упорядоченный характер внутренним отношениям.

Однако уже в середине XI века противоречия между братьями и их потомками усиливаются. Лествичная система наследования, при которой старший в роду претендует на киевский стол, а остальные князья переходят с одного стола на другой, теоретически должна была предотвратить дробление

рода, но на практике порождала постоянные споры о старшинстве и праве на конкретные владения. Региональная экономическая неоднородность - богатые пашенные районы юга, промыслово-торговая Новгородская земля, западные пограничные уделы, причерноморские владения - делала каждый стол самостоятельной ресурсной базой, за которую шла борьба.

Набеги половцев, сменивших печенегов в качестве главного степного противника, усилили внутренние кризисы. Поражение Ярославичей от половцев на Альте в 1068 году и последовавший киевский мятеж продемонстрировали, что население и городская элита уже не готовы безусловно принимать неудачи князя. Созванное в Киеве вече потребовало от Изяслава немедленного вооружённого выступления, а после отказа князя разгневанная община освободила полоцкого князя Всеслава, временно посадив его на киевский престол. Хотя вскоре Изяслав вернулся в Киев при поддержке польского короля, прецедент участия веча в смене князя стал важным индикатором изменения соотношения сил между княжеской властью, боярством и городской общиной.

Роль веча и городских общин в XI веке не следует переоценивать: источники позволяют говорить скорее об эпизодах активного вмешательства, зависевших от конкретной конфигурации элит и военной обстановки, чем о сложившейся системе «городской демократии». Тем не менее, именно в этот период проявляется способность городского сообщества - прежде всего в Киеве и Новгороде - коллективно выражать недовольство и оказывать давление на князя, а в крайних случаях участвовать в его смещении.

К концу XI века уособицы между Ярославичами и их потомками приобретают хронический характер. Обращения Изяслава за помощью к германскому императору и папе, многократное вмешательство польских правителей во внутренние дела Руси, использование половцев отдельными князьями как союзников в борьбе с родственниками демонстрируют, насколько тесно переплетались династические конфликты и внешняя политика. В этих условиях возникает потребность в общих соглашениях внутри династии.

Любечский съезд 1097 года, в котором активное участие принимал Владимир Всеволодович Мономах, стал важнейшей попыткой урегулировать отношения между князьями. Решение, вошедшее в летопись в формуле «каждо да держит отчину свою», означало признание за каждой ветвью права на наследственное владение определёнными землями. С одной стороны, это было направлено против произвольного передела владений и должно было снизить интенсивность уособиц; с другой - юридически закрепляло уже складывающуюся тенденцию к выделению устойчивых уделов, что впоследствии воспринято как важный шаг на пути к политической

раздробленности. Острота конфликта между принципом старшинства и претензиями отдельных линий на наследственное владение «отчинами» подчёркивается в современной историографии, где Любечский съезд всё чаще рассматривается не как «начало раздробленности», а как попытка её институционально сдержать (см., напр., работы В. А. Кучкина, А. П. Толочко, И. Я. Фроянова).

В последующие годы ряд съездов (в частности, в Витичеве и других центрах) уточнял границы владений, разрешал конфликты и координировал действия против половцев. Владимир Мономах, ещё будучи не великим князем киевским, выступал на этих съездах как один из основных инициаторов компромиссов. В качестве князя, прежде всего Переяславского, он многократно возглавлял походы против половцев, завоёвывая авторитет опытного полководца и защитника южных рубежей.

После смерти Всеволода в 1093 году Мономах формально мог претендовать на киевский стол, однако, следуя лествичному порядку, уступил его старшему по возрасту Святополку Изяславичу. Этот шаг укрепил его репутацию князя, готового подчинить личные амбиции династическим правилам и интересам «земли». В то же время именно Мономах становится ключевой фигурой в организации совместных походов против половцев, кульминацией которых был успешный поход 1111 года.

В 1113 году, после смерти Святополка и волнений в Киеве, вызванных в том числе злоупотреблениями ростовщиков, киевляне пригласили Владимира Мономаха на великокняжеский стол. Этот эпизод показывает, что легитимность верховной власти определялась уже не только лествичным старшинством, но и признанием со стороны столицы и её элиты. В правление Мономаха были приняты меры, ограничивавшие наиболее тяжёлые формы долговой зависимости и произвол ростовщиков, что отражено как в летописных известиях, так и в его «Поучении», где формулируется модель княжеского служения, основанного на справедливом суде и ответственности перед Богом и «землёй».

Годы правления Владимира Мономаха и его сына Мстислава Великого воспринимаются как последний период относительного единства и силы Киевской Руси. Однако уже в это время удельная система, опирающаяся на признанные «отчины», сформировалась достаточно прочно, а региональные центры - прежде всего Новгород, Чернигов, Волынь - всё более действовали как самостоятельные политические субъекты.

Княжеские съезды конца XI – начала XII века

Съезд (год, место)	Основные участники	Ключевые решения	Краткосрочные последствия	Долгосрочное значение
1097 г., Любеч	Князья основных ветвей Рюриковичей	Признание принципа «каждо да держит отчину свою»; закрепление прав князей на наследственные владения	Попытка снизить остроту усобиц, временное урегулирование претензий	Формализация удельной системы; важная веха в процессе региональной дифференциации
1100 г., Витичев	Владимир Мономах и другие князья	Разбор конфликта с Давыдом Игоревичем, уточнение договорённостей Любеча	Частичное снятие личных конфликтов, демонстрация роли съездов как арбитража	Укрепление практики коллегияльного урегулирования споров между князьями
1101 г., Долобское озеро	Князья во главе с Владимиром Мономахом	Согласование действий против половцев, договорённости по совместной обороне	Координация антиполовецких походов, частичное снижение угрозы степи	Пример коллективной внешней политики Руси при сохраняющейся удельной раздроблённости
1113 г. и далее	Владимир Мономах и союзные князья	Меры по ограничению злоупотреблений ростовщиков, попытки стабилизировать внутреннюю ситуацию (по «Уставу» Мономаха)	Снижение социальной напряжённости в Киеве, укрепление авторитета Мономаха	Демонстрация возможности «реформ сверху» в условиях сложной удельной конфигурации

2. Социально-экономические процессы и формирование раннефеодальных отношений в XI - начале XII века

К XI веку хозяйственный строй Руси приобретает более сложный и дифференцированный характер по сравнению с предыдущим столетием. Исследователи часто описывают его как раннефеодальный, однако применение этого термина требует осторожности: многие элементы классической феодальной модели - прежде всего устойчивые формы вассалитета и развитое частное право - ещё находятся в стадии формирования. В любом случае очевидны процессы усиления крупного землевладения, роста личной

зависимости значительной части населения и углубления социального расслоения.

Экономическая структура Руси в рассматриваемый период была ярко регионализирована. Южные и юго-западные земли, прежде всего Среднее Поднепровье и Волынь, отличались высокой степенью освоенности пашни и ориентировались на производство хлеба и продуктов животноводства, значительная часть которых потреблялась в городах и княжеских дворах. Новгородская земля и прилегающие районы при менее благоприятных условиях для высокопродуктивного земледелия опирались на многоукладную систему, в которой большую роль играли промыслы - пушной, рыбный, солеваренный, бортничество, лесные промыслы. Через Новгород осуществлялась значительная часть экспорта мехов, воска и других товаров на рынки Скандинавии и Западной Европы.

Эти различия создавали предпосылки для экономической взаимозависимости: юг и юго-запад служили основным производителем хлеба, часть которого попадала на рынок, тогда как север и северо-запад выполняли функцию посредников в международной торговле, аккумулируя продукцию внутренних регионов и превращая её в серебро и импортные изделия. Вместе с тем говорить о существовании единой, сознательно регулируемой общерусской экономической системы было бы преувеличением: значительная часть связей носила конъюнктурный характер и зависела от политической обстановки, прежде всего от безопасности путей и межкняжеских отношений.

Социальная структура общества к XI - началу XII века заметно усложняется. На вершине стояла княжеско-боярская элита, опиравшаяся на дружину и владевшая значительными земельными ресурсами. Ниже располагались различные категории зависимого и полузависимого населения, положение которых частично отражено в Русской Правде и других источниках. Смерды, традиционно трактуемые как зависимые или полузависимые общинники, находились под юрисдикцией князя или вотчинника и несли фискальные и отработочные повинности; вопрос о степени и форме их зависимости в современной науке остаётся дискуссионным. Различные трактовки правового и социального положения смердов, закупов и рядовичей хорошо прослеживаются в отечественной историографии второй половины XX – начала XXI века (см. классические работы Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова и более поздние исследования по социальной истории Древней Руси у И. Я. Фроянова, А. Ю. Карпова, др.)

Закупы, получавшие от господина ссуду («купу») и обязанные её отрабатывать, занимали промежуточное положение: формально они сохраняли определённые права, однако до погашения долга их свобода была серьёзно

ограничена. Рядовичи находились в зависимости на основании заключённого договора («ряда»), определявшего объём их обязанностей; их правовой статус в разных редакциях Русской Правды описан неодинаково и вызывает разные интерпретации. Сопоставление норм Русской Правды с другими источниками позволяет говорить о сложной иерархии зависимого населения, причём сами термины неоднократно переосмысливались исследователями (обзор подходов см. в работах по древнерусскому праву у М.Б. Свердлова, В.Н. Татищева, современных историко-правовых исследований).

Категории зависимого населения по Русской Правде и историографические трактовки

Категория	Краткое определение (по Русской Правде и другим источникам)	Ключевые признаки статуса	Дискуссионные моменты в историографии
Смерды	Основная масса сельского населения, несущего повинности и платящего дань	Земледельцы, связанные с общиной; несут повинности князю и/или местной знати	Степень их личной свободы: свободные общинники или уже полузависимое население
Закупы	Лица, взявшие «купу» (заём) и отрабатывающие долг; упоминаются в Русской Правде	Личная зависимость до погашения долга, ограниченная правоспособность	Свободный ли это человек, временно попавший в зависимость, или форма долгового рабства
Рядовичи	Лица, заключившие «ряд» (договор) о службе; их статус фиксируют нормы Русской Правды	Зависимость, основанная на договорных отношениях; выполняют работы по соглашению	Граница между свободным наёмным трудом и зависимым состоянием
Холопы	Полностью зависимые люди; объект купли-продажи и наследования	Отсутствие самостоятельных прав, включение в имущество хозяина	Степень сходства с античным рабством, роль в хозяйстве и численность
Изгои	Люди, выпавшие из прежних связей (община, род, семья), утратившие прежний статус	Маргинальное положение, отсутствие устойчивых прав и обязанностей в рамках общины	Конкретный состав группы: обедневшие общинники, незаконнорождённые, лишившиеся покровительства и т.д.

Холопы представляли собой полностью зависимое население, фактически рабов, утративших правоспособность в результате плена, наказания или долговой кабалы; их труд использовался преимущественно в сфере домашнего и придворного хозяйства.

Развитие городов усиливало роль городской общины. Крупные центры - Киев, Чернигов, Новгород, Переяславль - становились не только административными и военными, но и экономическими и культурными узлами, где концентрировались ремесло, торговля, деятельность церковных и княжеских учреждений. Внутри городов формировалась элита - купцы, зажиточные ремесленники, представители княжеской администрации и духовенства, - чьи интересы не всегда совпадали ни с интересами сельского населения, ни полностью с интересами княжеско-боярской верхушки. Через вечевые собрания, переговоры с князьями и участие в городском самоуправлении эта среда становилась всё более заметным политическим фактором.

Административная система развивалась как сеть княжеских представителей - посадников, волостелей, тиунов, - действовавших в уделах и городах, при сохранении значительной роли общинного самоуправления на местах. Погосты, заложенные ещё реформами Ольги, закрепились как опорные пункты фиска и суда, вокруг которых строилась местная власть. Укрепление княжеской администрации и одновременно рост влияния местных элит создавали сложную конфигурацию, в которой для устойчивого правления князю требовалось находить баланс между интересами двора, боярства и «земли».

3. Русь в системе международных связей

Внешняя политика Руси XI - начала XII века представляла собой совокупность частично согласованных и частично конкурирующих стратегий нескольких центров. Киев сохранял символический приоритет, однако реальные внешние контакты в значительной мере определялись интересами конкретных уделов и княжеских линий.

Новгородская земля, контролировавшая выход к Балтике и северные промысловые районы, была главным посредником в торговле со Скандинавией и западноевропейскими землями. Через Новгород проходил экспорт мехов, воска, льна, рыбы, а взамен поступали ткани, металлы, украшения и иные товары; контакты с купцами из германских и скандинавских городов постепенно формировали устойчивые торговые практики, которые позднее, уже в XIII-XIV веках, приведут к включению Новгорода в ганзейскую систему. В

рассматриваемый период говорить о полноценно оформленной Ганзе ещё преждевременно, однако направление и характер связей уже намечены.

Западные уделы, преимущественно Волынь и район Червенских городов, находились в зоне постоянного взаимодействия с Польшей и Чехией. Русско-польские отношения сочетали вооружённые конфликты за контроль над Червенской Русью с союзами, закреплёнными династическими браками и военной помощью. Ярослав Мудрый, его сыновья и внуки активно использовали брачную дипломатию, заключая союзы с правителями Польши, Венгрии, Норвегии, Франции и других стран; этим объясняется широкая «европейская» география династических связей Рюриковичей. Для западных уделов эти контакты были важнейшим ресурсом политического маневрирования и экономического развития.

Южные и юго-восточные княжества - Киевское, Переяславское, Черниговское - стали основным пространством столкновения с половцами. После вытеснения печенегов победой Ярослава под Киевом в 1036 году степь ненадолго опустела, но вскоре её заняли половецкие объединения, превратившиеся в главный внешний фактор, воздействовавший на Русь. Переяславская земля, находившаяся непосредственно на границе со степью, чаще других подвергалась набегам; Киев и часть Черниговской земли также страдали от разорения пограничных районов, гибели населения и разрушения хозяйственной инфраструктуры.

Для князей южных уделов внешняя политика была во многом тождественна обороне рубежей и организации походов в степь. Всеволод Ярославич и особенно Владимир Мономах сыграли ключевую роль в формировании коалиций князей против половцев и в проведении крупных походов, в том числе похода 1111 года, завершившегося взятием ряда половецких центров. При этом отношения отдельных князей с отдельными половецкими ханами могли принимать форму временных союзов, особенно в условиях усобиц, что делало степь не только пространством противостояния, но и ареной ситуативной дипломатии.

Связи с Византией сохраняли особое место. Киевская митрополия оставалась формально подчинённой константинопольскому патриарху, и византийская церковь продолжала оказывать значительное влияние на русскую духовную жизнь. Династические браки, участие русских дружин в византийских военных кампаниях и совместные интересы в Причерноморье создавали сложную систему взаимозависимостей, в которой Русь выступала одновременно как союзник, клиент и самостоятельная сила. Особую роль играло Тмутараканское княжество, контролировавшее важные коммуникации в

районе Керченского пролива и неоднократно оказывавшееся объектом соперничества между русскими князьями и Византией.

В целом внешняя политика Руси этого времени не была единым, централизованно разработанным курсом. Новгород, Волынь, Чернигов, Переяславль и Киев имели разные внешние интересы, обусловленные их географией и экономикой. В условиях лествичной системы и слабых общегосударственных институтов это приводило к тому, что международные связи часто работали не только на укрепление, но и на расшатывание единства Руси: иностранные союзники привлекались в усьобицы, степные союзы оборачивались угрозой для соседей, а различие в внешнеполитических ориентациях усиливало региональную автономию.

К началу XII века стало очевидно, что достигнутый уровень социально экономического развития, региональная дифференциация и конфигурация внешних связей требуют более сложных форм политической координации, чем традиционная лествичная монархия. Попытки стабилизации через кодификацию права и княжеские съезды частично сдержали усьобицы и позволили добиться кратковременного усиления при Владимире Мономахе и Мстиславе Великом, но не смогли остановить общую тенденцию к политической регионализации, которая станет определяющей для Руси в последующие десятилетия

Выводы:

Русь XI - начала XII века предстала как сложная и внутренне неоднородная политическая система, в которой достижение значительного уровня территориальной, социально экономической и культурной консолидации сочеталось с неустойчивостью династических и административных механизмов. Региональная дифференциация - сельскохозяйственный потенциал юга и юго-запада, промыслово-торговая специфика Новгородской земли, пограничное положение западных и южных уделов - усиливала автономию местных центров и задавала разные внешнеполитические ориентиры, превращая вопрос о распределении столов и вотчин в ключевую проблему внутрдинастических отношений.

Социальная структура к этому времени приобрела черты раннесредневекового общества с выраженной иерархией: князья и боярство, опирающиеся на дружину и крупные земельные владения, стояли над разнообразными категориями зависимого и полузависимого населения, положение которых фиксировалось, хотя и неполно, в нормах Русской Правды. При этом трактовка статуса отдельных групп - прежде всего смердов, закупов и рядовичей - остаётся в современной историографии предметом дискуссии, что

требует осторожного употребления этих понятий и отказа от чрезмерно жёстких схем. Рост городов и усложнение административной сети усилили роль городской элиты и вечевых институтов, которые в критические моменты - как в Киеве в 1068 г. или при призвании Владимира Мономаха в 1113 г. - становились заметными участниками политических решений.

Династические конфликты, усиленные несовершенством лестничного порядка и неоднородностью региональных интересов, вели к затяжным усобицам, однако княжеские съезды, начиная с Любечского 1097 г., демонстрировали наличие в среде элиты понимания необходимости выработки общих правил игры. Принцип «каждо да держит отчину свою» был компромиссным: он одновременно стремился ограничить произвольные переделы владений и юридически закреплял переход к системе наследственных уделов. Внешнеполитические взаимодействия - с Византией, Западной Европой, степью - не только расширяли горизонты Руси, но и становились фактором внутренней борьбы, когда отдельные князья привлекали иностранных союзников или половецких ханов к решению династических споров.

Правление Ярослава Мудрого и, позднее, Владимира Мономаха и Мстислава Великого можно рассматривать как два пика относительной политической интеграции и авторитета киевской власти. Вместе с тем развитие социально экономических отношений, усиление региональных центров и специфика внешнеполитических связей предопределили рост удельной самостоятельности. Раздробленность не была механически «запрограммирована» этими факторами, но в сложившейся комбинации именно они сделали переход от единого киевского центра к системе полисубъектности наиболее вероятным сценарием дальнейшего развития Руси.

Вопросы для самоконтроля:

Фактический уровень

1. Какие основные политические изменения связаны с правлением Ярослава Мудрого (назовите не менее двух направлений: внутриполитическое и внешнеполитическое)?
2. Как называется ранний свод правовых норм, сформированный при Ярославе и его потомках, и какие две ключевые группы норм в нём выделяются?
3. В каком году состоялся Любечский съезд князей, и какие княжеские линии играли на нём ведущую роль?
4. Кто из князей конца XI – начала XII века ассоциируется с попытками преодолеть межкняжеские конфликты и усилить общерусский центр власти?

Причинно-следственный уровень

5. Как «лествичный» принцип наследования престола способствовал как сохранению династического единства, так и углублению межкняжеских конфликтов в XI веке?

6. Почему рост городов и участие городских общин в политических кризисах (например, события 1068 года в Киеве) меняли баланс сил между князьями и населением?

7. Каким образом положения Русской Правды отражают процессы социальной дифференциации древнерусского общества и укрепления княжеского суда?

8. Как региональная хозяйственная специализация и расширение земельных владений способствовали формированию предпосылок удельной раздробленности при сохранении авторитета киевского центра?

9. В чём проявлялась взаимосвязь между династическими браками русских князей и их внешнеполитическими ориентирами в отношениях с Византией, западноевропейскими государствами и степными союзами?

Историографический / дискуссионный уровень

10. Почему современные исследователи всё чаще отказываются от схемы «Любечский съезд как начало феодальной раздробленности» и как по-новому интерпретируют формулу «каждо да держит отчину свою»?

11. Какие основные подходы существуют в историографии к оценке статуса смердов, закупов и рядовичей в древнерусском обществе, и какие аргументы приводятся в пользу той или иной трактовки?

12. В чём состоят различия между традиционными и новейшими интерпретациями роли Русской Правды: рассматривается ли она преимущественно как «свод уголовных норм», как «отражение социальной структуры» или как комплексный правовой источник?

13. Как современные исследования переосмысливают соотношение «единства Руси» и региональной автономии в XI – начале XII века, и почему понятие «раздробленность» требует осторожного употребления применительно к этому периоду?

Заключение

Проведённое в учебном пособии рассмотрение истории Руси IX – начала XII века позволяет увидеть этот отрезок как целостную, хотя и внутренне неоднородную эпоху становления государственности, социальной и культурной трансформации общества. Исходная точка, описанная через призму этногенеза восточных славян и формирования праславянской общности, помещает Русь в широкое пространство европейской ранней Средневековой истории. Лингвистические и археологические данные, сопоставленные с античными и византийскими сведениями, показывают, что происхождение славян не сводится к простым схемам и не допускает однозначного географического «адреса». Важнее понять, что длительные контакты с соседними этническими и культурными средами, миграции и освоение новых территорий стали фундаментом той этнокультурной мозаики, из которой позднее вырастет Древнерусское государство.

Хозяйственная и социальная эволюция восточных славян, достигших к IX веку уровня, описываемого как военная демократия, создаёт внутреннюю основу будущей государственности. Земледельческий уклад, сочетающийся с многообразием промыслов, формирует экономический базис, способный обеспечивать накопление излишков и содержание военной элиты. Переход от родовой общины к соседской, усложнение имущественных отношений, выделение князей, боярства и профессиональной дружины свидетельствуют о нарастающем социальном расслоении и необходимости надобщинных механизмов управления. В этой перспективе появление княжеской власти и ранних городских центров предстаёт не как внезапный «привнесённый» акт, а как результат длительного внутреннего развития, хотя его конкретные формы и темпы могли стимулироваться внешними воздействиями.

Дискуссия о происхождении Древнерусского государства, занимавшая видное место в историографии, в пособии показана как пример того, как научные интерпретации зависят от источников и более широких интеллектуальных контекстов. Норманнская теория, акцентирующая роль варягов, и антинорманнские концепции, подчёркивающие автохтонные процессы, отражают разные исследовательские акценты и идеологические установки. Современный синтетический подход, исходящий из необходимости учитывать и внутренние социально-экономические предпосылки, и внешние факторы - варяжское присутствие, международную торговлю, влияние Византии и степного мира - позволяет уйти от крайностей и лучше понять многослойность раннегосударственных процессов. Для читателя важно усвоить не только содержание конкретных аргументов, но и саму культуру научного

спора, предполагающую работу с источниками и готовность к пересмотру устоявшихся схем.

История первых русских князей в этом контексте предстаёт как история постепенного оформления централизованной власти в условиях взаимодействия торговли, войны и политики. Деятельность Рюрика и его окружения, закрепление за ними ключевых пунктов северной части водных путей, поход Олега на Киев и объединение северных и южных центров, договоры с Византией, восстановление контроля над землями - всё это формирует каркас будущего государства, в котором экономические интересы и военная организация оказываются тесно переплетены. При Игоре обостряется противоречие между потребностями растущей дружины и архаичностью полюдья, что приводит к трагической развязке и ясно демонстрирует пределы прежних механизмов власти. Реформы Ольги, введшей уроки и погосты, знаменуют собой переход к более устойчивой и институционализированной системе управления, где сбор ресурсов и присутствие княжеских представителей на местах перестают быть исключительно личной прерогативой правителя.

Военная активность Святослава высвечивает, насколько тесно внутреннее развитие Руси было связано с её внешним окружением. Разгром Хазарского каганата и участие в балканских кампаниях, попытка переноса центра в дунайский Переяславец расширяют горизонты внешней политики, но одновременно подрывают прежнюю систему балансов и создают новые зоны напряжения. Исчезновение Хазарии как буфера и усиление степных угроз, обострение отношений с Византией и перегрузка государства военными задачами лишний раз показывают, что расширение влияния требует соответствующего укрепления внутренних структур, без чего внешние успехи оказываются недолговечными.

Кульминацией первого этапа формирования государственности становится правление Владимира Святославича и Крещение Руси. Попытка языческой реформы, создание киевского пантеона, возвышение Перуна как верховного божества дружинной среды демонстрируют желание князя придать религиозному фактору общегосударственный характер. Однако язычество, привязанное к локальным традициям и обрядовым практикам, не могло обеспечить необходимой степени универсальности и нормативности. Принятие христианства византийского обряда стало ответом на совокупность внутренних и внешних вызовов: потребность в сакрализации власти, в общей системе норм и институтов, необходимость включения Руси в круг христианских держав, улучшения её международного статуса и расширения возможностей династической политики.

Последствия Крещения выходят далеко за рамки религиозной сферы. Оно укрепляет легитимность княжеской власти, формирует новую модель отношений между правителем и подданными, открывает путь к развитию церковной организации, становлению письменной культуры, появлению летописания и правовых памятников. Включение в византийскую культурную и каноническую традицию способствует формированию особой, но одновременно глубоко укоренённой в общехристианском мире идентичности. Христианизация становится тем рубежом, после которого Русь уже не может рассматриваться только как региональное объединение племенных союзов: она выступает как христианское государство, участвующее в международных отношениях на новых основаниях.

История XI - начала XII века, изложенная во второй части пособия, позволяет увидеть, как в условиях достигнутой политической и культурной консолидации начинают проявляться внутренние противоречия, связанные с устройством династической власти и региональной структурой страны. Правление Ярослава Мудрого воспринимается как один из пиков развития Киевской Руси: укрепление центральной власти, кодификация права в форме ранних редакций Русской Правды, оформление церковной организации, культурный расцвет Киева создают образ сильного и влиятельного государства. В то же время уже в этот период распределение столов между многочисленными сыновьями и усиление региональных центров закладывают почву для последующих усобиц.

Во второй половине XI века усиливается противоречие между лестничной системой наследования, предполагающей перемещение князей по «лестнице» столов, и стремлением отдельных ветвей династии закрепить за собой конкретные территории как отчины. Участие городских общин и вечевых собраний в политических кризисах, как в Киеве в 1068 году или при призвании Владимира Мономаха в 1113 году, свидетельствует о возрастании роли городской среды и её способности влияния на выбор князя, хотя и не превращает вече в устойчивый институт власти. Любечский съезд 1097 года и последующие княжеские собрания демонстрируют понимание элитами необходимости согласованных правил игры: признание наследственных прав на определённые земли должно было уменьшить число конфликтов, но фактически закрепило переход к удельной системе.

Социально-экономические процессы XI - начала XII века показывают, что Древняя Русь уже не может описываться в категориях простого племенного общества. Усиление крупного землевладения, усложнение структуры зависимого населения, развитие городов и формирование городской элиты, расширение административной сети свидетельствуют о становлении

раннесредневекового общества с выраженной иерархией и сложной системой взаимных обязательств. В то же время особое внимание уделяется дискуссионному характеру трактовки статуса смердов, закупов, рядовичей, холопов, - что требует осторожности при использовании привычных терминов вроде «классического феодализма».

Внешняя политика Руси этого времени не образует единой, жёстко централизованной линии. Связи с Византией, западноевропейскими государствами и степными объединениями во многом отражают интересы конкретных княжеств, связанных с определёнными географическими и экономическими зонами. Новгородская ориентация на северо-запад, западные контакты волынских и других пограничных земель, постоянное противостояние южных уделов с половцами создают многослойную картину, в которой общегосударственные и местные интересы не всегда совпадают. Вовлечение иностранных союзников в династические споры, использование степных сил как партнёров в усобицах, обращение к западным правителям за поддержкой подчеркивают, что международные связи могут не только укреплять государство, но и усиливать его внутреннюю фрагментацию.

Правление Владимира Мономаха и его сына Мстислава Великого, завершающее хронологические рамки пособия, выступает как важный опыт попытки восстановления киевского первенства и стабилизации системы. Мономах, обладавший значительным военным и политическим авторитетом, добился заметных успехов в борьбе с половцами и в урегулировании отношений между князьями, а его нравственно-политические установки, известные по «Поучению», стали одним из символов идеала ответственного правления. Однако уже в эти годы удельная система была сформирована настолько прочно, что дальнейшее движение к политической регионализации стало весьма вероятным, хотя и не абсолютно предопределённым.

Таким образом, в рамках рассмотренного периода Русь проходит путь от сети племенных союзов к сложному раннесредневековому государству, включённому в систему международных отношений и обладающему развитой социальной, правовой и культурной структурой. Согласованное рассмотрение внутреннего развития и внешних связей, внимания к личности правителей и к долгосрочным социальным процессам позволяет увидеть, что история Древней Руси - это не цепь изолированных эпизодов, а единый, хотя и противоречивый процесс становления политического организма, который станет фундаментом последующей истории России. Такой подход призван не только предоставить читателю систематизированные знания, но и сформировать навыки критического анализа, умение работать с различными точками зрения и воспринимать прошлое как пространство сложных выборов, а не готовых схем.

Словарь основных исторических терминов

Анты - восточноевропейская племенная группа, описанная Иорданом и Прокопием Кесарийским, рассматривается как часть раннеславянской общности, игравшая значительную роль в миграционных процессах V-VII вв., расселенна между Днестром и Днепром и близка склавинам по языку и образу жизни.

Бояре - высшая прослойка светской знати в Древней Руси, происходившая из родовой аристократии и высшего слоя дружины, обладавшая значительными земельными владениями и влиянием на принятие политических решений при княжеском дворе.

Боярская дума - совещательный орган при князе, состоявший из наиболее влиятельных бояр и старших дружинников; участвовал в выработке решений по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики, отражая интересы знати и влияя на выбор стратегических направлений развития.

Варяги - в восточнославянских источниках обозначение скандинавских (прежде всего шведских) и связанных с ними военных и торговых групп, действовавших в водных путях Восточной Европы; часть варяжской знати была интегрирована в правящую элиту Руси.

Венеды - этноним, фиксируемый античными авторами I-II вв. н. э. применительно к племенам, обитавшим к востоку от Вислы; в историографии рассматривается как возможный ранний рефлекс славянской общности, хотя вопрос об этнической идентификации венедов остаётся дискуссионным.

Вервь - локальная территориальная община в Древней Руси, несущая коллективную ответственность за своих членов перед княжеской властью, выполняющая фискальные и полицейские функции и являющаяся базовым звеном самоорганизации сельского населения.

Вече - народное собрание в древнерусских городах, являвшееся формой коллективного обсуждения и решения важных вопросов, включая военные походы, налогообложение и приглашение или изгнание князей; выражало интересы городской общины и части элиты.

Византия - восточная часть Римской империи со столицей в Константинополе, существовавшая до 1453 г.; в IX-XI вв. была главной христианской средиземноморской державой и ключевым политическим, экономическим и культурным партнёром/оппонентом Киевской Руси.

Вира - денежный штраф за убийство свободного человека, взимавшийся в пользу князя; являлся инструментом замены кровной мести и укреплял роль государства как арбитра в криминальных конфликтах.

Военная демократия - переходная стадия от родоплеменного строя к раннегосударственным образованиям, характеризуется сочетанием элементов племенной самоорганизации (народные собрания, выборность вождей) с доминирующей ролью военной элиты и института дружины.

Вотчина - форма наследственного землевладения, принадлежащего князю, боярину или церковному институту и передаваемого по наследству; включала землю, расположенные на ней дворы и население, находившееся в экономической и юридической зависимости от владельца.

Дань - установленная форма регулярного изъятия продукта (натурального или денежного) в пользу политического центра (власти), служащая одновременно экономическим ресурсом и показателем подчинённого статуса общины или территории; в условиях ранней Руси взимается преимущественно в натуральной форме.

Дружина – социально-военный институт раннесредневековой Руси, представлявший собой профессиональный военный коллектив при князе, включавший старшую (более привилегированную) и младшую части; выполняла функции вооружённой силы, совета и администрации, служила каналом интеграции местной знати в княжескую власть.

Закупы - категория зависимого населения, оказавшаяся во временной зависимости от феодала в связи с получением «купы» (денежной или натуральной ссуды) и обязавшаяся отрабатывать долг; по Русской Правде, после погашения «купы» закуп имел возможность восстановить свободный статус.

Изгои - лица, выпавшие из привычных социальных и правовых связей (например, лишившиеся общины или вотчинника, потерявшие наследственные права), занимавшие пограничное положение между свободными и зависимыми категориями населения и часто становившиеся объектом особых правовых норм.

«Каждо да держит отчину свою» - формула, принятая на Любечском съезде, означавшая, что каждый князь должен владеть только теми землями, которые унаследованы от его отца; рассматривается как важная веха в процессе формирования системы наследственных уделов, который в последующей историографии часто связывается с началом политической раздробленности.

Краткая редакция Русской Правды - наиболее ранний вариант свода, сложившийся в XI веке и традиционно связываемый с деятельностью Ярослава и Ярославичей; включает «Правду Ярослава» и «Правду Ярославичей» и содержит главным образом нормы, ограничивающие кровную месть и регламентирующие денежные компенсации (вира, головничество).

Лествичное право - обычай княжеского наследования в Киевской Руси, согласно которому все Рюриковичи рассматривались как совладельцы страны, а старший в роду занимал киевский стол, тогда как остальные переходили по «лестнице» на менее значимые столы; система призвана была предотвратить раздел страны, но на практике порождала многочисленные усобицы.

Летопись - жанр средневекового исторического сочинения, в котором события расположены по годам («по летам»); в древнерусской традиции выполняла функции исторической памяти и идеологической интерпретации прошлого. Основной древнерусский летописный свод - «Повесть временных лет».

Любечский съезд - собрание русских князей 1097 года в Любече, на котором было провозглашено решение «каждо да держит отчину свою»; съезд имел целью ограничить междоусобицы путём признания наследственных прав за каждой ветвью, но одновременно закрепил раздел Руси на наследственные княжества.

Митрополит - высший иерарх православной церкви на Руси, глава киевской митрополии, формально подчинённой константинопольскому патриарху; учреждение митрополии и поставление Иллариона митрополитом в 1051 году без согласия Константинополя отражают стремление к усилению автономии русской церкви при сохранении византийской юрисдикции.

Норманнская теория - историографическая концепция, согласно которой государственность на Руси была привнесена варягами-скандинавами во главе с Рюриком.

Отчина - наследственное владение княжеского рода или его отдельной ветви, воспринимавшееся как принадлежащее данному роду по праву происхождения; закрепление отчин за отдельными линиями Рюриковичей на Любечском съезде фактически узаконило переход к удельной раздробленности.

Печенеги - тюркоязычный кочевой народ, обитавший в IX-XI веках в степях Северного Причерноморья и представлявший серьёзную угрозу южным рубежам Руси.

Погост - учреждённый реформой княгини Ольги локальный центр сбора дани и управления, где концентрировались фискальные функции и нередко размещалась княжеская администрация; впоследствии некоторые погосты превратились в церковно-административные и торговые пункты.

«Повесть временных лет» - древнерусский летописный свод начала XII века, содержащий рассказ о происхождении Руси, призвании варягов, первых князьях и ключевых событиях IX-XI вв., а также интерпретирует их в христианской историософской схеме.

«Поучение Владимира Мономаха» - дидактическое произведение, приписываемое Владимиру Мономаху, в котором излагается модель княжеского поведения, основанная на идеалах справедливого суда, заботы о подданных и ответственности перед Богом и «землёй»; важный источник по политической культуре Руси начала XII века.

Половцы (куманы) - тюркоязычные кочевники, появившиеся в степях Восточной Европы в XI веке и ставшие одним из главных противников Руси в XII веке.

Полюдье - ранняя форма фискальной практики в Древней Руси, заключающаяся в ежегодном объезде князем и дружиной подвластных земель с целью сбора дани и регулирования отношений с племенной верхушкой; сочетала функции налогообложения, контроля и демонстрации власти.

Праславяне - общность племён и диалектов индоевропейского происхождения, предшествовавшая формированию отдельных славянских народов и локализуемая в Центральной и Восточной Европе.

Пространная редакция Русской Правды - расширенный вариант свода, окончательно сформировавшийся в XII веке на основе переработки Краткой редакции; включает около 120 статей, традиционно разделяется на Суд Ярослава и Устав Владимира Всеволодовича (Мономаха) и содержит развитую систему норм, регулирующих имущественные, наследственные и долговые отношения, а также уточняющих статус зависимого населения.

Путь «из варяг в греки» - система водных и сухопутных маршрутов, связывавшая Балтийское море с Чёрным морем и Константинополем; являлся магистральным каналом транзитной торговли и одним из структурообразующих факторов формирования киевского политического центра.

Раннефеодальное государство - тип раннесредневековой политической организации, при котором складывается иерархия личной зависимости и земельной собственности, но сохраняются значительные пережитки общинных структур и неполная институционализация власти.

Родовая община - форма социальной организации, основанная на реальных или предполагаемых узах происхождения, коллективной собственности на землю и совместном перераспределении продукта; в славянском контексте - исходная структура, постепенно вытесняемая территориальными формами общинности.

Русская Правда - древнерусский правовой свод XI-XII веков, дошедший в нескольких редакциях (Краткая, Пространная, Сокращённая); регулирует уголовные, имущественные и отдельные процессуальные отношения,

закрепляет систему денежных штрафов и отражает социальную иерархию, не исчерпывая при этом всего массива действовавших обычных норм.

Рядовичи - полузависимые люди, находившиеся в зависимости от господина на основании «ряда» - договора, определявшего объём их обязанностей; по своему правовому положению были близки к закупам, а штраф за их убийство приравнивался к штрафу за убийство смерда или холопа.

Склавины - название раннесредневековых славян у византийских авторов VI века, применяемое к племенам, обитавшим западнее Днестра.

Смерды – феодально-зависимое сельское население, преимущественно общинники, находившиеся под юрисдикцией князя или вотчинника, обязанные уплатой дани и выполнением различных повинностей; формально личная свобода сохранялась, но правовой статус был существенно ограничен.

Сокращённая редакция Русской Правды - поздняя переработка Пространной редакции, появившаяся не ранее XV века и представляющая собой её сокращённый вариант; важна для истории текстовой традиции, но имеет ограниченное значение для реконструкции правовой системы XI-начала XII века.

Соседская (территориальная) община - форма общинной организации, при которой главным принципом объединения выступает не происхождение, а совместное проживание на определённой территории; для Руси IX-X вв. характерна концентрация таких общин в составе верви и их включённость в систему княжеского управления.

Съезд князей - форма совещания представителей разных ветвей династии Рюриковичей для разрешения конфликтов, распределения владений и координации действий, в том числе против внешних врагов; важными съездами стали Любечский и последующие собрания конца XI - начала XII века.

Тмутаракань - русское княжество на Таманском полуострове, контролировавшее важнейшие коммуникации в районе Керченского пролива; служило опорным пунктом влияния Руси в Причерноморье и объектом конкуренции между русскими князьями и Византией.

Удельная система – политико-территориальное устройство, при котором Русь разделена на ряд наследственных княжеских владений (уделов), управляемых отдельными ветвями династии при номинальном первенстве киевского стола; её становление в XII веке связано с признанием отчин и ограничением свободных «переходов» князей между столами.

Уроки - фиксированные размеры дани, введённые в результате реформы Ольги, заменявшие произвольный сбор в ходе полюдья; представляли собой нормативное закрепление фискальных обязанностей конкретных территориальных единиц.

Феодально-зависимое население - совокупность социальных групп, находившихся в экономической и юридической зависимости от землевладельцев и князей (смерды, закупы, рядовичи, холопы и др.); их статус и обязанности фиксировались правовыми нормами и являлись основой эксплуатации в раннефеодальном обществе Руси.

Хазарский каганат - раннесредневековое полиэтническое государство в Нижнем Поволжье и Прикаспии (VIII-X вв.), контролировавшее важнейшие торговые коммуникации по Волге и Дону, извлекавшее доходы из пошлин и работорговли и находившееся в сложных отношениях конкуренции и взаимодействия с Русью.

Холопы (челядь) - полностью зависимое население, по сути рабы, лишённые правоспособности; их статус складывался из плена, рождения от рабыни, добровольного самопродажничества или наказания за определённые преступления, а труд использовался преимущественно в хозяйствах феодалов и при дворах.

Церковное право - совокупность канонических норм, регулирующих устройство церкви и поведение верующих, включая семейные, наследственные и некоторые уголовные вопросы; на Руси вошло во взаимодействие с обычным правом и способствовало формированию ранних правовых кодексов.

Список литературы

Основная литература

1. Вовина-Лебедева, В.Г. История Древней Руси: учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования / В.Г. Вовина-Лебедева. - М.: Академия, 2011. - 253 с.
2. Гаврилин, С.А. История России: учебное пособие / С.А. Гаврилин. - Орёл: ОрЮИ МВД России, 2021. - 92 с.
3. Древняя Русь в средневековом мире. / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. - М.: Ладомир, 2014. - 1000 с.
4. История Отечества: учебник / О.Д. Исхакова, Т.А. Крупа, С.С. Пай и др.; под редакцией Е.П. Супруновой, Г.А. Трифоновой. - Саратов: Вузовское образование, 2020. - 777 с.
5. История России: учебник и практикум для вузов / под ред. К.А. Соловьёва. - Москва: Юрайт, 2024. - 244 с.
6. История: курс лекций / Л.Ю. Варенцова, А.Н. Лушин, А.Е. Смирницкий и др./ под ред. Л.Ю. Варенцовой. - Нижний Новгород: НА МВД России, 2022. - 489 с.

Дополнительная литература

Монографии и обобщающие труды

7. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век / отв. ред. Д.С. Лихачёв. - СПб.: Наука, 2016. - 688 с.
8. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. / Г.С. Лебедев. - М.: Альма Матер, 2023. - 891 с.
9. Петрухин В.Я. Русь в IX-X вв. От призвания варягов до выбора веры / В.Я. Петрухин. - М.: Форум, Неолит, 2013. - 464 с.
10. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории / С.Ф. Платонов. - М.: Центр-полиграф, 2023. - 783 с.
11. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв./ Б.А. Рыбаков. - М.: Наука, 1993.- 597 с.
12. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 книгах. История России с древнейших времен. Т.1-2. - М.: Голос, 1993. - 752 с.
13. Фроянов, И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории / И.Я. Фроянов. - М.: Академический проект, 2023. - 271 с.

Статьи в рецензируемых журналах

14. Воронков, С.М. Особенности первоначальных вариантов формирования городских центров и городских сетей на территории Древней

Руси в VIII-XI вв. / С.М. Воронков // Клио. - 2025. - №10 (226). - С.116-121.

15. Долгов, В.В. Археологические критерии древнерусского города в свете социальной истории / В.В. Долгов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. - 2025. - №1. - С. 165-178.

16. Ермишин, О.Т. Киевская Русь и проблема русского «начала» // Вестник МГУКИ. - 2025. - № 1. - С. 37-48.

17. Кобзарь-Фролова, М.Н. Первые признаки государственности у славян (историко-правовой анализ)/ М.Н. Кобзарь-Фролова // Мониторинг правоприменения. - 2025. - №2 (55). - С.53-60.

18. Спивак Н.Д. Ранняя история рода Рюриковичей по данным палеогенетики // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». - 2025. - №2. - С. 48-51.

19. Шестов, И.С. Роль светской и духовной властей в процессах распространения христианства на территории Древней Руси в X-XI вв. / И.С. Шестов // Клио. - 2025. - №11 (227). - С.75-80.

Учебное издание

Терещенко Ольга Владимировна

**ИСТОРИЯ РОССИИ XIX ВЕКА
В ИСТОРИЧЕСКИХ ПОРТРЕТАХ**

Учебное пособие

Издается в авторской редакции
